

Философская мысль*Правильная ссылка на статью:*

Косорукова А.А., Фролова М.Н. Восприятие этики Сократа в философии морали Ф. Ницше: преодоление метафизики и ее «вечное возвращение» // Философская мысль. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.6.70863 EDN: KCVIHO URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=70863

Восприятие этики Сократа в философии морали Ф. Ницше: преодоление метафизики и ее «вечное возвращение»**Косорукова Александра Андреевна**

старший преподаватель; кафедра этики; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10к2

✉ a.kosorukova@yandex.ru

Фролова Маргарита Николаевна

студент; этики; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1132223181@rudn.ru

[Статья из рубрики "Этика"](#)**DOI:**

10.25136/2409-8728.2024.6.70863

EDN:

KCVIHO

Дата направления статьи в редакцию:

28-05-2024

Дата публикации:

18-06-2024

Аннотация: Предметом исследования является рассмотрение восприятия этики Сократа в философии Ницше как теоретического основания для формирования ключевых положений ницшевской философии морали, в частности – возможных элементов метафизического мышления в данных положениях. Критическая аргументация Ницше в

отношении философских воззрений Сократа была рассмотрена как основание не только общефилософских аксиом последнего, но, прежде всего, для ключевых положений философии морали Ницше, в частности в аспекте ее связи с вопросом о метафизике. Фокусом авторского исследования является анализ восприятия сократовских идей в контексте критики проекта метафизики у Ницше через призму морали: идея самопреодоления и возрастающей воли к власти оказываются основанием для понимания нового проекта Ницше в философии морали. Методология исследования включает в себя теоретические методы, историко-философский и этико-философский анализ рассмотрения философии и этики Сократа у Ницше, и влияния данного рассмотрения на этическую позицию последнего. В качестве исследовательского основания в статье задействованы подходы Ж. Делеза, Л. Клагеса, А.Ф. Лосева, Л. Шестова, В.М. Бакусева. Новизна статьи заключается в прослеживании влияния сократовской этики на постановку проблемы морали у Фридриха Ницше, особенно в аспекте вопроса о метафизике в этической мысли Ницше (как критики метафизики, так и продолжения некоторых линий метафизической традиции). Первая линия критики Ницше сократовской философии, заключалась в выявлении влияния Сократа на возникновение европейского нигилизма (утрата дионисийского, трагического начала культуры). Вторая мысль Ницше, по отношению к Сократу, касалась «теоретического человека». Было проанализировано, как образ Сократа как «просветителя», основателя рационалистической морали, подвергается у Ницше критике как источнику появления новой ипостаси человеческого бытия - «теоретического человека». В связи с этим показано влияние на выстраивание концепции человека у Ницше через преодоление «теоретического человека» (преодоление утраты воли к власти, переоценка всех ценностей, сверхчеловек). Третьей идеей, которую можно обозначить как одну из важнейших черт философии морали Ницше, была рассмотрена идея самопреодоления (параллелизм с бесконечным поиском знания у Сократа, при этом преодолевающая самого «теоретического человека»).

Ключевые слова:

Ницше, Сократ, философия, этика, мораль, метафизика, нигилизм, дионисийское, аполлоническое, воля

Фигура Фридриха Ницше и его философские идеи вскрывают и в полной мере иллюстрируют кризис европейской мысли. Осознавая глубокий кризис европейской культуры и классической философии, Ницше исследует формирование изначальных истоков как первого, так и второго феномена. Критическое умонастроение пронизывает всю философию морали Ницше. Она представляет собой этическую концепцию, которая основывается на критике предшествующих этических концепций, рационального гуманизма, любого рода догматизма и идеализма. Метафизический конструкт как яркое выражение застывших абстрактных определений также становится объектом его критики. Ведь вся предшествующая философия, в которой Ницше видит несостоятельность, в сущностном отношении связана с метафизикой. В метафизике Ницше критикует разделение мира на иллюзорный, бессмысленный и истинный, целесообразный: «У философов существует предубеждение против иллюзорности, изменчивости, страдания, смерти, телесности, чувств, рока и необходимости, против бесцельного» [\[1, с. 236\]](#).

Ницше проводит прямую параллель такого рода метафизики с феноменом морали: «Со времен Платона философия находится под властью морали. Еще у его предшественников

в философию решительно вторгаются моральные объяснения... Прогресс философии больше всего задерживался до сих пор скрытыми моральными побуждениями» [\[1, с. 238\]](#). Поэтому критикуя метафизические проявления, Ницше в первую очередь, критикует саму мораль. По мысли немецкого философа, оправдание и утверждение морали посредством метафизического обоснования не должно являться задачей философии. Поэтому Ницше и говорит о преодолении метафизики как о возможности рождения нового человека, не «стесненного» догматами религии и морали. Поскольку в основе метафизического мышления лежат моральные суждения, которые выражаются в бинарно оценивающем мышлении, по мнению Ницше, от подобного следует отказаться.

Несмотря на радикальную критику идей классической философии, Ницше не выпадает из историко-философской традиции. Его мышление формировалось под влиянием множества философов, начиная от Сократа, Платона, Эпикура и заканчивая Гёте, Шопенгауэром и Паскалем. Какие-то их идеи немецкий мыслитель впитал и отразил в своей философской концепции явным образом, что-то (к примеру, критическое умонастроение в отношении Сократа) было рождено в результате контрастного мышления, критически-скептических умозаключений.

Фигура Сократа как основоположника этического рационализма

Сократ справедливо считается одним из тех мыслителей в истории философии, кто подверг сомнению общепринятую модель жизни и задумался о нравственном образце. Первостепенной и фундаментальной задачей Сократ полагал заботу о душе, все остальное являлось второстепенным, а потому и не стоящим особого рассмотрения. Он «пренебрег всем тем, о чем заботится большинство – корыстью, домашними делами, военными чинами, речами в народном собрании, участием в управлении, в заговорах, в восстаниях» [\[2, с. 106\]](#). Платон, воспринявший сократовское умонастроение и посвятивший своему учителю внушительное количество страниц в своей серии диалогов, «стремился показать роль и значение мыслителя, который первым среди философов предпринял исследование идеального и провозгласил бытие идеального в качестве реальности не менее подлинной и действительной, чем бытие чувственно воспринимаемых вещей» [\[3, с. 14\]](#).

В противоположность господствовавших до того времени натурфилософским методам, которые были нацелены по преимуществу на познание космологических первоначал, Сократ стремился к знанию, которое было способно выразить «человеческую сущность». В отличие же от популярных в его время учений софистов, перед ним стояла совсем «инная задача», а именно – переосмыслить устоявшиеся общественные представления и убеждения «не затем, чтобы доказать, что истины нет и не может быть, а только затем, чтобы показать, что в них нет истины и что истину нужно искать в ином месте» [\[4, с. 126\]](#).

В знаменитом дельфийском изречении «Познай самого себя» раскрывается суть и глубочайший смысл этических воззрений Сократа. Ксенофонту в своем труде удалось схватить сократовское истолкование этой дельфийской заповеди: «Кто знает себя, тот знает, что для него полезно, и ясно понимает, что он может и чего он не может. Занимаясь тем, что знает, он удовлетворяет свои нужды и живет счастливо, а не берясь за то, чего не знает, не делает ошибок и избегает несчастий. Благодаря этому он может определить ценность также и других людей и, пользуясь также ими, извлекает пользу и оберегает себя от несчастий» [\[5, с. 78\]](#). Таким образом, сократовское самопознание было сопряжено с осознанием человеком собственной автономии, постижении и в дальнейшем

развертывании своей подлинной сущности как свободного существа, руководствуясь нравственными принципами.

Понятие добродетели у Сократа формируется как главное человеческое качество. И это качество, приобретает конкретные формы, а именно утверждается в форме знания. Приобретение любого знания подразумевает определенную рефлексию, а, следовательно, для рассуждения о добродетели в качестве знания необходим разум. По мнению Сократа, именно человеческий разум необходим для совершенствования человеческой натуры, достигнутые посредством разума знания способны преобразовать личностное бытие. Рационалистическое начало может позволить человеку целесообразно использовать полученные знания как орудия преобразования характера. Таким образом, Сократ является тем, кто впервые наделяет мораль рационалистическими характеристиками, делая из нее сугубо рациональное явление. Именно этот «переворот», переход морали в рациональное поле, а в дальнейшем и не только морали, а вообще всего философского наследия, несмотря на все восхищения превалирующей части философских исследователей, по мнению же Ницше, является грубой, даже фатальной ошибкой.

Критика сократовской философии у Ницше

Критическое восприятие и творческое переосмысление философии Сократа у Ницше можно найти уже в «Рождении трагедии...», где он описывается появление фигуры Сократа как «теоретического человека». Такое представление о человеке было чуждо греческой культуре того периода, и «теоретический человек» в ее рамках, по мнению Ницше, выглядел несуразно и неуместно. Более детальное рассмотрение проблемы философ предлагает в своей работе «Сумерки идолов». Ницше предпринял попытку осмысливать значение и влияние фигуры Сократа на развитие философской мысли, и в не типичном для многих исследователей исключительно положительном и восторженном ключе.

Ницше утверждает, что сократовский акцент на самопознании становится своего рода спасительным якорем и средствомнейтрализации человеческих страстей. «Природные побуждения хотят сделаться тиранами; нужно придумать другого тирана, который обуздал бы их, был бы сильнее их...» Что сделал Сократ? Он предложил собственное средство, собственный язык, долженствующий спасти греков» [...] [\[6, с. 26\]](#).

Согласно важнейшей философско-культурологической концепции Ницше, два начала человеческой природы – аполлоническое и дионаисийское – находятся в постоянном антагонизме и взаимодополнении. След этого взаимодействия находит свое отражение, в первую очередь, в сфере искусства трагедии. Сама природа аттической трагедии в корне отличалась от других культурных феноменов, которые по своей сути всегда являлись порождением какого-либо из начал: либо аполлонического, либо дионаисийского. Как пишет Лосев: «Трагедия возникает как аполлинийское зацветание дионаисийского экстаза и музыки»[\[7, с. 7\]](#).

Гибель греческой трагедии порождает совершенно новое явление для греков того времени, понятие «теоретического человека». Теоретический человек явно иллюстрировал возникший раскол, природу которого так стремился осмыслить Ницше. Философ берет на рассмотрение фигуру Сократа в качестве яркого представителя этого деструктивного для Ницше процесса. Внутренняя борьба в аполлоново-дионаисийской оппозиции коснулась и всего греческого общества, о чем Ницше говорит следующим образом: «Его (Сократа) случай был в сущности лишь крайним случаем, лишь самым

бросающимся в глаза из того, что тогда начинало становиться всеобщим бедствием...» [\[8, т.2, с. 569\]](#).

Для Ницше именно трагическое искусство является подлинной формой восприятия мира. Философ считает, что стремление Сократа и античной философии лишь к разуму не есть возвращение к истокам добродетели, это болезнь, которая «сопротивляется инстинктам» [\[9, с. 570\]](#). Уравнивание добродетели со знанием и счастьем, которое постулирует Сократ, для Ницше также видится тотальным заблуждением, ведь в понимании немецкого философа счастье сопряжено с инстинктивной и «посюсторонней» природой человека: «Пока жизнь восходит, счастье равно инстинкту» [\[9, с. 567\]](#).

Таким образом, Сократ для Ницше является полным воплощением ряда проблем, актуальных для греческого общества того времени. Отталкиваясь от Сократа как наиболее яркого символа распада греческой культуры, Ницше смог рассмотреть целый ряд важных вопросов не только о развитии философии в историческом контексте, но и о ее самоопределении. На примере конкретного культурно-исторического периода и возникших там «проблемы Сократа» и «трещины в бытии», Ницше указывает на внутреннюю проблему уже современной философии.

Ярко выраженная симпатия Ницше к дионисийскому человеку имеет под собой достаточно определенные основания: дух дионисийства в полной мере соотносится с самой жизнью, растворяется в ней. Интересным образом про это пишет французский мыслитель Ж. Делез, говоря о Дионисе и отмечая преодоление индивидуального в дионисийском: «..., он сокрушает индивида, влечет его за собой к великой катастрофе и погружает в изначальное бытие. Таким образом, он воспроизводит противоречие как боль от индивидуации, но разрешает оба состояния в высшем удовольствии, причаща нас к сверхизобильности единственного в своем роде бытия или вселенской воли» [\[10, с. 52\]](#).

Диалектика Сократа, принцип индивидуации, воплощением которой является фигура Аполлона – это серьезный удар по трагическому восприятию мира, трагедии. Дионис для Ницше – это символ витального начала, утверждающего жизнь и далекого от логики оправдания ее. Сократ, по Ницше, противостоит трагическому, отделяя его от аполлонического, создавая искусственную пропасть, а также изменение оценок роли дионисийского. «Между тем как у всех продуктивных людей инстинкт представляет утвердительную и творческую силу, а сознание — силу критическую и отрицающую, у Сократа инстинкт становится критическим, а сознание — творящим» [\[10, с. 56\]](#), - пишет об этом Ницше, указывая на противопоставление Сократом идеи и жизни.

Исследователь ницшевской мысли о матрице европейской культуры В. Бакусев подчеркивает важность для Ницше мысли о том, что греки были первооткрывателями идеала как сознательной идеи и теми, кто возвел абстрактно-логическое мышление в абсолют. Таким образом, разум, отождествленный с идеалом, замещает собой реальность, более того, становится источником, из которого эта реальность начинает следовать. «Такое понимание вело их прямиком в область иллюзии, причем, значения иллюзорности и реальности у них поменялись местами в сравнении с фактическим положением дел в психике» [\[11, с. 11\]](#). Вся дальнейшая история европейской мысли так или иначе концентрируется на развитии по преимуществу абстрактно-логических форм осмыслиения действительности, и эта неотвратимость в развитии была заложена, согласно Ницше, в первостепенную очередь самим Сократом и последующими после него

великими учителями древнегреческой мысли. Бакусев пишет об этом следующим образом: «форсированное развитие абстрактно-логического мышления» происходит за счет и в ущерб естественной психической целостности (болезненное расщепление человеческой природы) с целью хищнической эксплуатации жизни, то есть запасов общей психической энергии, со стороны комплекса «я»» [\[11, с. 12\]](#).

Отношение важнейшего исследователя ницшевской критики рационализма Льва Шестова к Сократу можно усмотреть в большом количестве его работ. Разум Сократа порабощает как самого человека, так и всю творческую составляющую. По его мнению, от культа рационалистической традиции Сократа стоит отказаться. «Мы все соблазнились его мудростью, которая до сих пор держит нас в плену» [\[12, с. 37\]](#).

Схожесть взглядов Шестова с Ницше по поводу Сократа заключается и в несогласии противопоставления идеи самой жизни. О подобном подходе высказывается Ж. Делез, называя древнегреческого философа «первым гением декаданса» [\[10, с. 56\]](#). Неприятие Ницше фигуры Сократа, а именно запущенной им программы «теоретического человека», которое по мнению философа губительно отразилось на самом феномене мышления и его последующим развитии, явно указывают на отрицание немецким философом благого влияния Сократа. Но, что если сам Ницше был подвержен сократизму? Данную тему освещает Людвиг Клагес в своей книге, посвященной исследованию, как философских воззрений Ницше, так и самой его личности. Клагес указывает, что ярый скептицизм Ницше в некой степени зиждился на сократовском умонастроении, так же, по мнению философа, скепсис и сократизм по сути есть нечто схожее, а именно «две разных формы проявления нигилизма в рамках рациональности» [\[13, с. 188\]](#).

В своей ранней работе «Об истине и лжи во вненравственном смысле» Ницше критикует сложившееся представление об истине, но при этом не отказывается от ее поиска. Тема интеллектуальной честности как возможности для осознания границ своей компетенции и доведения суждений до состояния согласованности с рассудком есть проявление сократической философии в ницшевской мысли. Но что особенно интересно, у самого Ницше присутствует термин «интеллектуальная совесть», который по своей природе очень схож с этой «интеллектуальной честностью». Для Сократа объективная истина уже изначально пребывает в человеческом разуме, посему его майевтика, как метод философствования, направлен на извлечение скрытых знаний. Поиск истины для Ницше не лежит в области долженствования, собственно, как и призыв к рассудочности – не гарант для получения истины. Ницше определяет интеллектуальную совесть следующим образом: «Я подмечал у иных благочестивых людей ненависть к разуму, и был им за это признателен: по крайней мере здесь выдавала себя еще хоть злая интеллектуальная совесть» [\[14, с. 34\]](#). И далее «для большинства нет ничего унизительного в том, чтобы просто верить во что-нибудь и жить сообразно этому, не задумываясь особо об исходных причинах, не взвешивая все за и против, не утруждая себя поиском каких бы то ни было аргументов» [\[14, с. 33\]](#). Порицаемая Ницше рассудочность, уже не столь категорично им отбрасывается, напротив философ словно видит в ней необходимость для избавления каких-либо заблуждений. Разве это не проявление духа сократической диалектики?

Если для Сократа критерий познания неразрывно связан с разумом, то для Ницше он кроется в самой жизни. Поскольку феномен жизни является для философа господствующей силой, то именно он должен определять познание. Жизнь у Ницше есть проявление непосредственной естественности в человеке, достижение которой и является конечной целью разума, настроенного на интеллектуальную совесть. Ницше

безусловно экзистенциальный мыслитель, его философия пронизана темой витальности. Идеалистические конструкции, оторванные от реалий жизни, не соотнесенные с человеческим опытом, в понимании Ницше, есть нечто закостенелое, мертвое и едва ли имеющее право на существование.

Рационалистическая традиция есть, по мнению Ницше, ничто иное, как выражение той же болезни вырождения. Выражением болезни Сократа был его поворот к диалектическому методу, который описывался философом как «последнее оружие, как месть угнетенного». «До Сократа, пишет Ницше, - в хорошем обществе чурались диалектических манер: они считались дурными манерами, они компрометировали ... Что сперва требует доказательства, то имеет мало ценности. Всюду, где авторитет относится еще к числу хороших обычаев, где не «обосновывают», а повелевают, диалектик является чем-то вроде шута...» [\[9, с. 565\]](#). Причиной такого показного презрения к диалектике и доказательству как таковому Ницше видит наряду с мотивами «реванша угнетенного» (то есть несвободы) также и опасность «тиrания мысли». Диалектика, как далее пишет Ницше, «В качестве диалектики имеешь в руках беспощадное орудие: с ним можно стать тираном; побеждая, компрометируешь. Диалектик предоставляет своему противнику доказывать, что он не идиот...» [\[9, с. 565\]](#).

Ницше видит в диалектике, при том, что она основана на объединении противоположностей, неспособность уживаться с трагическим действом. Диалектика (и доказательное мышление в целом) оказывается слишком односторонним в своем стремлении упорядочить реальность и обосновать ее логически. «Ибо кто же в состоянии не замечать оптимистический элемент в самом существе диалектики: она спрятывает свое торжество в каждом умозаключении и может дышать лишь в атмосфере ясности, сознательности и прохлады, этот оптимистический элемент, единожды внедрившись в трагедию, со временем непременно заглушит все зоны, где произрастает дионасийское, и неизбежно приведет его к самоуничтожению, доведет до того, что оно перескакнет прямо в мещанскую драму» [\[18, с. 142-143\]](#). В данном понимании диалектики ее критика у Ницше и есть критика метафизики – мышления обосновывающего и однозначно регламентирующего, которое Ницше связывает с фигурой Сократа.

Этика Сократа как вопрос о метафизике морали у Ницше

Из критики философских воззрений Сократа во многом формируются ключевые положения философии морали Ницше. Рассмотрение данных положений в ключе вопроса о том, насколько Ницше преодолевает метафизические черты мышления, а насколько оставляет их, дает возможность ответить на вопрос о характере феномена морали в структуре мысли самого Ницше. Сначала проанализируем, что Ницше ставит целью преодолеть в сократовской этике. Затем обозначим иные параллели между этическими идеями Сократа и моральным вопрошанием Ницше.

Первое, с чего следует начать, говоря о преодолении Ницше сократовских воззрений («теоретического человека»), это преодоление разделенности аполлонического и дионасийского начал культуры в этике. Аполлонический дух, в котором Ницше чувствует «запах разложения», низводит, как он образно выражается, всю полноту и буйство жизни в иллюзию. Сила такого духа, скрытая в разумности, подрывает основы самой жизни и губительно отражается на творческой, а значит и созидательной составляющей. Философия Сократа, пронизанная аполлоническим умонастроением, становится, по Ницше, разрушительницей жизни и обращается против самой себя. Вместо рождения жизнеутверждающей мысли, она ставит под сомнение и даже встает на путь отрицания

феномена жизни. Каким же образом? Противопоставляет ей «высшие ценности», с которыми жизнь должна соотноситься, в противном же случае, при отсутствии сопоставления, жизнь теряет свою активную силу и даже подвергается обесцениванию.

Второе положение, которое стремится утвердить Ницше в философии морали, в отличие от сократовской этики, заключается в ином понимании состояния поиска истины. И хотя по форме данной идеи Ницше и Сократ скорее похожи (и тот, и другой говорят о бесконечном поиске и уточнении понятий). Однако, Ницше подчеркивает недостаточное соответствие мысли Сократа своей же формуле. Ницше видит (или желает видеть) Сократа следующим образом: сократическая формула, заключающаяся в соотнесении любого убеждения с разумом, дает гарантию на его правильность и истинность. Однако, твердая уверенность в безусловной истине порождает критическое умонастроение в отношении отличных по содержанию убеждений. Ницше акцентирует внимание на постоянном вопрошании, на извечном поиске истины, человек, находящийся в состоянии становления, открыт миру, и видит гораздо шире и больше, не спотыкаясь при этом на различного рода убеждениях, которые могут производить впечатление безусловных истин. «Убеждения суть более опасные враги истины, чем ложь» [\[8, Т.1, с. 453\]](#). Человек убежденный в том, что нашел достоверный путь поиска истины, по Ницше, более чем склонен к заблуждению. «Виновность» Сократа в данном умонастроении, т.е. соотнесение любого феномена с рационалистической традицией достаточно спорна, но его влияние на развитие подобной установки последующими мыслителями, которая в дальнейшем становится своего рода тенденцией, явно прослеживается.

Третья характеристика (объединяющая первые две), в которой Ницше «винит» Сократа, есть дух упадка, нигилизм. Ницше видит в Сократе все симптомы понятия «decadence». Он ставит в упрек сопротивление Сократа «трагическому миросозерцанию», противопоставление разумности в отношении активной жизни, принижении ее значимости в угоду соответствуя высшим ценностям и безусловной истине. По Ницше, нигилизм понимается здесь как самая общая «проблема» Сократа. Ответом на вмененный Сократу нигилизм, в мысли Ницше, становится идея самопреодоления, самовозрастания воли к власти [\[15, с. 414\]](#). Воля к власти видится как инстанция преодоления «теоретического человека», при чем внимание Ницше к воле как внетеоретическому, даже иррациональному, началу в человеке и является важнейшим различием этических воззрений двух мыслителей.

В вышеобозначенных структурах мысли Сократа, которые Ницше обозначает как предмет преодоления, тем не менее, содержится уже то, что Ницше вольно или невольно продолжает в своей мысли. В случае с дилеммой аполлонического и дионисийского Ницше, обвиняя Сократа в забвении второго начала, стремится воссоздать образ утраченного единства. И если Сократ, по Ницше, ответственен в абсолютизацию аполлонического в ущерб дионисийскому, то правомерно задать вопрос, не использует ли Ницше подобную, но обратную абсолютизацию – дионисийского, которое не терпит системы в мысли Ницше настолько, что сам Дионис оказывается в одном из самообозначений Ницше «распятым» (уничтожившим самим себя?).

В случае с идеей вечного становления напрашивается параллель с образом нескончаемого прогресса в истине, которое стало хрестоматийным для понимания важнейшей основы мысли Сократа о знании и добродетели. «Я знаю только то, что ничего не знаю», - так называемая третья аксиома сократовской мысли, наряду с тезисом эвдемонизма и отождествлением добродетели и знания [\[16, с. 92\]](#). Ницше, возможно, более, чем кто-либо другой в истории европейской философской мысли,

вторит структуре вечного становления истины у Сократа. И если из данного тезиса вырастает могучая традиция рационалистической этики, то идея вечного становления Ницше, как минимум, может если не быть основанием рационалистического в этике современности, то, как минимум, может сосуществовать с ним.

Что касается третьего «пункта преодоления» Ницше Сократа – нигилизма, здесь также видны пересечения двух предыдущих метафизических структур мысли: единства противоположностей витальности и рационального, а также вечного становления. Нигилизм как тема Ницше может трактоваться не только с точки зрения разрушающего ценности витального порыва. Но, например, как видит К. Ясперс, нигилизм в философии Ницше может выражать «1) аспект критики общезначимого, всеобщего в человеке, и как результат – акцентирование индивидуально-экзистенциального плана существования морали; 2) аспект преодоления ограниченности моральных оценок через положительное принятие богатого спектра их форм в становлении» [17]. И если не ограничивать метафизику как структуру мысли только вопросам об общезначимых категориях, то общим у Сократа и Ницше можно увидеть и поиск экзистенциального пути рождения истины о морали (майевтика Сократа, афористический стиль Ницше), и преодоление ограниченности моральных оценок как чего-то шаблонного, формального, застывшего.

Выводы и результаты

Критическая аргументация Ницше в отношении философских воззрений Сократа была рассмотрена как основание для ключевых положений философии морали Ницше, в частности в аспекте ее связи с вопросом о метафизике. Были проанализированы основания восприятия Ницше сократовской этической мысли, обозначены ключевые моменты несогласия и постулирование Ницше необходимости их преодоления.

В многообразии восприятий ницшевской критики Сократа были выделены ключевые моменты, которые в целом составляют основу того, что Ницше хотел преодолеть в сократовском «теоретическом человеке». При этом было выявлено и то, что может быть понято как продолжение сократовских идей в концепции морали Ницше.

Суммируя вышерассмотренные положения философии морали Ницше и его проекта преодоления метафизики на материале сократовской этики, нужно отметить следующие следствия данного проекта. В противоположность многим работам, анализировавшим восприятие фигуры Сократа в общефилософских воззрениях Ницше, фокусом работы является рассмотрение вопроса о влиянии Сократа на возникновения европейского нигилизма (утрата дионасийского, трагического начала культуры как основы утраты высших ценностей). Отсюда следует мысль Ницше о Сократе как создателе и выразителе «теоретического человека». Было проанализировано, как образ Сократа как «просветителя», основателя рационалистической морали, подвергается у Ницше критике как источник появления новой ипостаси человеческого бытия - «теоретического человека». В связи с этим показано влияние на выстраивание концепции человека у Ницше через преодоление теоретического человека. Обобщающей идеей, которую можно обозначить как одну из важнейших черт философии морали Ницше, была рассмотрена идея самопреодоления. При напрашивающемся параллелизме с бесконечным поиском знания у Сократа можно сделать вывод о том, что в данной идее у Ницше преодолевается сам теоретический человек. Данная идея также лежит в основе структуры мысли о воле к власти, которая в случае ее самовозрастания понимается Ницше как основания не только бытия, но лучшего бытия, а значит, морали в ее высшем смысле.

Библиография

1. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. М.: Культурная революция, 2005. – 880 с.
2. Платон. Апология Сократа. В кн.: Платон. Соч.: В 3 т. М: Мысль, 1968-1972. – 194 с.
3. Кессиди Ф.Х. Сократ. М: Мысль, 1988. – 220 с.
4. Шестов Лев. Сократ // Вестник русского христианского движения. 2000. №180 (I/II). С. 116 – 129.
5. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. В кн.: Антология педагогики взрослого человека: Ксенофонт Афинский / Сост., вступит. статья, закл. и сопровождающие разделы статьи М.К. Ветошкиной, В.К. Пичугиной; comment. А.Ю. Можайского, В.К. Пичугиной / Под общей редакцией В.К. Пичугиной. М.: Аквилон, 2020 Книга IV, гл. 2. – 304 с.
6. Ницше Ф. Падение кумиров: сборник / Фридрих Ницше ; пер. с нем.-Спб. : Азбука-Аттикус, 2019. – 224 с.
7. Лосев А.Ф. Фр. Ницше // Ницше: pro et contra. СПб.: издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 981 - 992.
8. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Соч.: В 2 Т. М: Мысль, Т.1, 1990. – 833 с.
9. Ницше Ф. Сумерки идолов / Соч. в 2-х т. Сост. К.А. Свасьян, пер. с нем. Ю.М. Антоновского, Н. Полилова, К.А. Свасьяна, В.А. Флёровой. М.: Мысль. 1996. – 829 с.
10. Делёз Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2010. – 394 с.
11. Бакусев В. Лестница в бездну. М.: Культурная революция, 2011. – 295 с.
12. Шестов Л. Апофеоз беспочвенности. М.: Рипол-Классик, 2020. – 312 с.
13. Клагес Л. Психологические достижения Ницше. М.: Культурная революция, 2016. – 250 с.
14. Ницше Ф. Веселая наука. М: Азбука-Аттикус, 2023. – 352 с.
15. Ясперс К. Ницше: Введение в понимание его философствования. СПб.: Владимир Даль, 2004. – 629 с.
16. Гусейнов А.А. Античная этика. М: Либроком, 2017. – 288 с.
17. Косорукова А.А. К. Ясперс и М. Хайдеггер о понятии нигилизма в философии Ф. Ницше // Проблемы этики: философско-этический альманах. Выпуск 1. М.: Современные тетради, 2008. С. 42-52.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Тему рецензируемой статьи трудно признать новой, оценка Ницше образа Сократа, как и множества других фигур или направлений античной философии, неоднократно давались в историко-философской и историко-этической литературе, в том числе, отечественной. Разумеется, это не значит, что к этой теме не следует возвращаться, но целесообразность повторного рассмотрения проблематики, по которой уже состоялись удачные публикации, может быть оправдана только интересными, оригинальными результатами. На взгляд рецензента, в данном случае автору не удалось открыть какую-либо новую сторону в отношении взглядов Ницше об античной культуре, которая до сих пор оставалась бы неизвестной широкому кругу читателей. Достаточно взглянуть на заключение, чтобы понять, что автор не выходит за границы реферирования того содержания истории философии, которое нам давно и хорошо знакомо. Реферативному

характеру работы соответствует и использованная автором литература, на основании представленного списка можно заключить, что автор только начал знакомиться с избранной темой, и указанных источников явно недостаточно о серьёзном погружении автора в тему. Но статья не может в её сегодняшнем виде быть рекомендована к печати ещё и потому, что в тексте содержится множество ошибок, смысловых неувязок, стилистических погрешностей. Так, уже в названии присутствует вполне «детская» ошибка: разумеется, должно стоять «вопрос о метафизике», а не «вопрос о метафизики». Да и сформулировано оно неудачно: два мыслителя «слипаются» просто в этой формуле. Самый простой вариант, который мог бы избрать автор: «Оценка этики Сократа в «метафизике морали» Ницше», хотя возможны и более сложные (конкретные) формулировки. В тексте невероятно много лишних запятых, которые никак нельзя списать на «авторскую пунктуацию»: «...философские идеи вскрывают, и в полной мере иллюстрируют...»; «...о преодолении метафизики, как о...»; «для Ницше, именно трагическое искусство...», и т.д. Что это? Опечатки, ошибки, неряшливость? Множество синтаксических и стилистических ошибок: «...разума, который низводит все инстинктивные проявления» (к чему «низводит»?), и т.п. Или: «Поскольку в основе метафизического мышления лежат моральные суждения, которые выражаются в бинарно оценивающем мышлении.» – Где в этом предложении сказуемое? В нём ничего не утверждается и не отрицается! Далее: «В противоположность популярным на тот момент натуралистическим методам, который был нацелен...», – почему «методы» – «который»? Или: «Первым ключевым положением, повлиявшим на исследование морали у Ницше, это рассмотрение...» («положением» – «это...»?), и т.п. Хотелось бы поддержать интерес автора к заявленной теме, но в своём сегодняшнем виде статья не может быть опубликована в научном журнале, рекомендую отправить её на доработку.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья представляется мне достаточно интересной и актуальной. Предметом исследования является ницшеанская критика Сократа и его морального учения. Автор поставил перед собой задачу показать, что, критикуя этику Сократа и всю классическую, рационалистическую философскую традицию, Ницше – сознательно или бессознательно – постоянно возвращается к ней и, соответственно, к ее истоку в лице греческого философа.

Например, произведения Ницше, в том числе и те, в которых немецкий философ обрушивает на Сократа всевозможные обвинения, сами пронизаны глубоким скептицизмом, который в значительной степени восходит к сократовскому умонастроению. Автор справедливо считает, что в скептицизме и сократизме есть нечто схожее, что это «две разных формы проявления нигилизма в рамках рациональности». Справедливым представляется и утверждение автора статьи, что, критикуя сложившееся представление об истине, Ницше сам вовсе не отказывается от ее поисков.

Выказывая признание к диалектике и доказательству как таковому, видя в них мотив «реванша угнетенного человека» и «тиранию мысли», Ницше на самом деле критикует одностороннее, однозначно регламентирующее мышление, делает акцент на противоречиях, то есть как раз придерживается диалектического метода (Хотя здесь, на мой взгляд, автор смешивает ницшеанское понимание диалектики как доказательного дискурса с т. с. «гегельянским», которое, с точки зрения Ницше, вполне само может быть отнесено к метафизике).

Наконец, автор обращает внимание, что если Сократ, согласно Ницше, ответственен за абсолютизацию аполлонического начала в культуре в ущерб дионисийскому, то правомерно задать вопрос, не использует ли Ницше подобную, но обратную абсолютизацию, т. е. абсолютизацию дионисийского начала.

Итогом рассуждений автора становится положение, что, во-первых, Ницше, возможно, более, чем кто-либо другой в истории европейской философской мысли, вторит структуре вечного становления истины у Сократа; а, во-вторых, что весь пафос воли к власти как самовозрастания понимается Ницше «как основания не только бытия, но лучшего бытия, а значит, морали в ее высшем смысле». Иными словами, автор – конечно, не первый – обнаруживает моралистическую составляющую в антиморалистической философии Ницше.

Следует заметить, что все приведенные рассуждения автора актуальны и в наши дни, так как показывают, что попытки вырваться из европейской философской и этической традиции, которые продолжаются сегодня, сознательно или бессознательно возвращаются к этой же традиции, так как она является основой всякого критического мышления.

В качестве замечания к работе, хотелось бы отметить ее несколько корявый стиль. Само название статьи – Восприятие этики Сократа в философии морали Ф. Ницше: преодоление и метафизики и ее «вечное возвращение – как-то трудно прочесть. Тут что-то не так: то ли первое «и», то ли падеж вечного возвращения. Наверное, все-таки первое «и» следует убрать. Едва ли стилистически удачны выражения типа «более детальное рассмотрение проблемы философ рассматривает...». Но это все легко поправимо.